

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 14-го февраля 1910 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9914.

ЧАСЪ II.

(Разсказъ).

I.

Утромъ съ первой почтой получилъ письмо.

Толстая английская шершавая бумага, конвертъ узкій и длинный, какъ пальцы аристократіи. Раздущенное крѣпкими духами, словно кокотка.

Повертьль письмо въ рукахъ, не рѣшаясь распечатать. Незнакомый, прямой, тонкій почеркъ.

Зажмуриль глаза и, втягивая въ себѧ ароматъ духовъ, мечталъ:

— Что сулить это письмо? Признаніе или обѣщаніе ласкъ сильныхъ, какъ ураганъ,—нѣжныхъ, какъ благоуханіе фіалки.

Потомъ рѣшился.

Изъ конверта выпалъ театральный билетъ.

Пробѣжавъ глазами письмо, пожалъ плечами.

Давнишняя знакомая,—маленькая драматическая актриса. Незначительное лицо мелькнуло въ памяти, наивные глаза, милые, дѣтскіе. Вздернутый немножко носъ, сильная губы, черные, какъ душа сатаны, волосы.

Она писала:

„Вѣрно пожмете плечами, прочитавъ эти строки, удивитесь, увидѣвъ подпись. Не сразу вспомните маленькую брюнеточку, которую шесть лѣтъ назадъ видѣли въ любительскомъ спектаклѣ. Но забыть васъ—не могу. Развѣ не слова и похвалы извѣстнаго критика толкнули меня на сцену? Вамъ обязана настоящимъ. Тогда угодила безхитростной, наивной, но искренней игрою.

Если есть у васъ свободный часъ,—приходите посмотрѣть. Выступаю, быть можетъ, въ послѣдній разъ. Не удастся—уйду. Сцена для талантовъ. Лучше буду горничной, бонной, гувернанткой, чѣмъ угодно,—но не бездарной, скучной артисткой.

Приходите,—помогите разобраться!“

Вторично пожалъ плечами и подумалъ:

— Какъ скучно! Времени мало, никогда: разумѣется, не поѣду никуда!

И сѣль заниматься.

Но прошло полчаса,—швырнулъ перо, переодѣлся и поѣхалъ.

Передъ глазами мелькнула маленькая брюнетка, вздернутый носикъ, наивные глаза, милые, дѣтскіе...

II.

Когда вошелъ въ театръ, крохотный и душный,—упрекнулъ себя:

— Зачѣмъ бросилъ работу? Чтобы проскучать нѣсколько отвратительныхъ часовъ, видѣть мерзкую, балаганную игру, безъ искры таланта...

Артистки сразу не узналь. Куда дѣвалась милая робость, наивные глаза, неувѣренныя, полныя прелести, движенья?

Передъ нимъ сильная, свѣжая, красивая женщина. Страстный, порывистый талантъ.

В. Ф. Комиссаржевская.

Сконч. въ ночь на 10 февр. 1910 г.

Л. П. Штейнбергъ.

Къ симфоническому концерту 15 февраля, въ пользу Еысшихъ Женскіхъ Курсовъ Общества Трудящихся Женщинъ, въ оперномъ театрѣ, подъ его управлениемъ.

(Съ фот. А. М. Иваницкаго).

Въ антрактѣ пошелъ въ ея уборную.

Толкнулся головой въ бѣдно-размалеванныя кулисы, чуть не сломавъ ноги, спускаясь по лѣстницѣ въ уборную.

Отвратительный воздухъ, крохотная сцена, похожая на клѣтку, оборваные грязные костюмы.

Постучалъ,—вошелъ.

Артистка даже не подняла головы. Сидѣла, безсильно свѣсивъ руки, еще

не переживъ страшнаго, могучаго волненія творчества. Блѣдная, слабая.

Когда критикъ заговорилъ,—радостно вскрикнула, бросилась навстрѣчу. Сильно сжалась руку, привѣтливо, сильно. Слушала равнодушно, почти не понимая похвалъ.

Говорила съ отчаяніемъ въ голосѣ:

— Чувствую, что не то, не то. Надо сильнѣй! У меня нѣтъ таланта, нѣгъ!

Но послѣ третьаго акта созналась:

— Теперь, кажется, лучше. Вѣдь, такъ? Скажите, да?

Критикъ повторилъ похвалы. Говорилъ, что никогда не думалъ найти столько высокаго наслажденія въ крохотномъ театрѣ, гдѣ подвизалась жалкая провинциальная артистка.

Ея глаза загорѣлись. Румянецъ торжества разлился по набѣленному лицу. Радостно переживала новое, неизвѣданное чувство.

Онъ любовался сильной, красивой женщиной,—могучимъ талантомъ. Забылъ о свѣженѣй дѣвочкѣ съ наивными глазами...

III.

Поздно ночью критикъ вернулся домой. Усталый, счастливый, унося на складкахъ костюма ароматъ ея тѣла, запахъ крѣпкихъ духовъ и волосъ.

Какъ случилось,—онъ не зналъ, не помнилъ, не отдавалъ себѣ отчета... Только горѣла голова, кровь беспокойно металась по венамъ, назойливо стучала въ вискахъ. Руки дрожали отъ неостывшей страсти, прожгли губы ея поцѣлуи...

Усталое тѣло звало къ покою. Но мозгъ суетливо работалъ, мысли цѣплялись одна за другую.

Онъ сѣль къ столу, и строка за строкою зашагали торопливо. Писалъ о красивой, сильной, свѣжей женщинѣ,—о страстномъ, порывистомъ таланѣ.

Потомъ облокотился на спинку кресла и задумался:

— Когда вечеромъ шелъ неохотно въ заброшенный театръ,—могъ ли предвидѣть то, что случилось? Какъ неожиданно, какъ сильно, какъ нѣжно прорвалась ея страсть! Какой-нибудь часъ, всего только одинъ,—въ немъ снова проснулась любовь къ жизни... Помолодѣлъ, встряхнулся...

...Но краешкомъ заползо сомнѣніе:

— А что, если все обдумано заранѣе? Если съ нимъ поиграли, какъ съ глупымъ мышенкомъ? Если знаютъ, что слово похвалы такого знатока, какъ онъ, можетъ составить имя, сдѣлать карьеру? Если часъ, который принесъ столько наслажденій увѣдающему человѣку,—лишь гнусный обманъ...

Рука опустилась, перо выпало. Сталъ припомнить, обдумывать, взвѣшивать.

— Ну, разумѣется, такъ! Сначала письмо, потомъ ловкое кокетство, приглашеніе напиться чаю,—наконецъ часъ, проклятый часъ!

Скомкалъ бумагу, швырнулъ на полъ, затопталъ.

„Шантеклеръ“ на парижской сценѣ.

Собачка Пату.

Э. Ростань,
авторъ „Шантеклера“.

Дроздъ.

Шантеклеръ.

Съ тоскою въ душѣ, съ потухшой любовью къ жизни легъ спать.

Но безконечно тоскливая ночь не могла смежить его вѣки. Горѣла подушка, тѣло, голова. Чудились жгучие, какъ ударъ ножа, пощѣли, жаркія, какъ солнечный лучъ, ласки... Мозгъ суетливо работалъ, кровь горѣла полымяемъ.

Казалось, что въ таинственную мглу ночи проскользнула сильная, красивая женщина,—ласками старается задушить...

IV.

На другой день принесли письмо. Толстая английская шершавая бумага, конвертъ узкій, длинный, какъ пальцы аристократки Знакомый со вчерашнимъ дня запахъ духовъ.

Артистка писала:

„Поймете ли меня? Вчера произошло несчастье, громадное, непоправимое... Мы ошиблись. Ни я, ни вы, любить не можемъ и не любимъ. Зачѣмъ же тогда то, что случилось?! Мучаюсь невыразимо: что, если вы рѣшили, что обманула васъ, что продалась за похвалу? Ужасно! Умоляю,—забудьте

Цесарка.

ЗА ВЫШИВАНІЕМЪ.

Суббота. Въ спальнѣ теплится лампадка. Убрано. Нигдѣ ни пылинки. На столѣ моченые яблоки, водка, закуска... Сейчасъ здѣсь была монахиня со сборомъ. Теперь уже далеко. Ушла. Только собаки все не угомонятся. Тихо въ домѣ. Стихишка-шалунъ наказанъ. Сняли новые сапоги, да носомъ въ уголь. Стой, негодникъ, покуда дядя изъ лавки вернется... получишь ужѣ на орѣхи. Мать у кумы. Кухарка передъ ужиномъ спить на полатяхъ. Медленно и грустно вышивала Лиза.

Боится она новыхъ людей...

Придуть съ вѣтра, натолкнутъ...

Потянетъ вдаль, словно журавля осеню...

Страшно. Грѣшно. Потомъ не успокоишься.

О монастырѣ когда-то Лиза мечтала...

Плакала, свѣчи ставила, вериги хотѣла одѣть. Билъ два раза тятенька, хотѣлъ еешибко. Мать къ старцу возила. Держала сторону дочери.

Замужъ выйти не штука, вотъ Христовой невѣстой быть—то другое.

Весною ъѣдили. Деревья едва запу-

шились... Птицы то, какъ пѣли... Царица Небесная, словно обѣдно служили... И монаховъ, монаховъ... Испугались даже. Смотрѣть на нихъ любопытно... Обо всемъ разспрашиваются... Удивляются, что изъ такой глупши... Жалѣютъ. А старецъ не принялъ. Цѣлехонъкій день онъ высидѣли, ожидаючи... Ничего... Не вышелъ... Увидѣть привелось утромъ... На крыльцѣ онъ появился... Маленький, сѣденький... И бумага въ рукѣ. Провожаю военнаго. На Лизу взглянула... Благословилъ, но ничего не сказалъ... Отогналъ торопливо. Потомъ отецъ увезъ ихъ сюда, въ Сибирь, торговлю открылъ... И остались онъ. О монастырѣ больше не говорилось. Смутно иробко жалѣла Лиза. Ахъ, если бы... Вѣдь, грѣховъ-то, грѣховъ... Вѣкъ не замолиши... Грустно стало... Запѣла негромко...

Я у матушки выросла въ холѣ,

И кручини не знала я злой,

Да счастливой, дѣвической долѣ

Позавидовала недругъ лихой...

Любимая пѣсня... Годы бы слушала,

не наслушалась... Вся ея жизнь въ

этой пѣснѣ. Вся
ея радость. Вся
ея мука. Словно
про нее сложена.

Село Никольское. Большое, въ
степи затерялось. На сто верстъ кру-
гомъ ни одной избы не встрѣтишь... Аулы кир-
гизкіе только.. Тетка Лизы тамъ
лавку имѣеть и домъ. Комнатки
веселыя, чистыя,
совсѣмъ пасхальное
яичко. И на-
роду всегда полно. Учительницы,
семья священника,
ветеринарные врачи,
что изъ
Россіи на чуму
посланы. Пріѣхала
туда Лиза безъ
дѣла... Такъ... По-
баловаться... Ну, и
живеть...

Разъ метель бы-
ла. Тетка у боль-
ной заночевала.
Сидѣтъ Лиза, бу-
ранъ слушаетъ... Вдругъ, колоколь-
чикъ... шумъ во дворѣ... Выглянула.
Привезли киргизы гости—вете-
ринарного врача... Шуба у него на
распашку, сумочка черезъ плечо,
и подъ шапкой каріе глаза смыаются...

Задорный...

Поклонилась и обомлѣла. Отвѣ-
чала, какъ дурочка. Василіемъ Ва-
сильевичемъ звали... самъ влади-
мірскій...

Рѣчи сладкія сталь онъ, лукавый,
Мнѣ нашептывать ночью и
днемъ...

Охъ, ужъ, дѣйствительно, лука-
вый... Спорить не приходится... Но-
чи—годами кажутся. Подушка въ
слезахъ. Выдѣтъ на крыльце безъ
платка и стоитъ... Снѣгъ сыплется,
вѣтеръ волосы треплетъ, темно... А
она ждѣтъ. Горѣ? Радость? Не знаетъ...

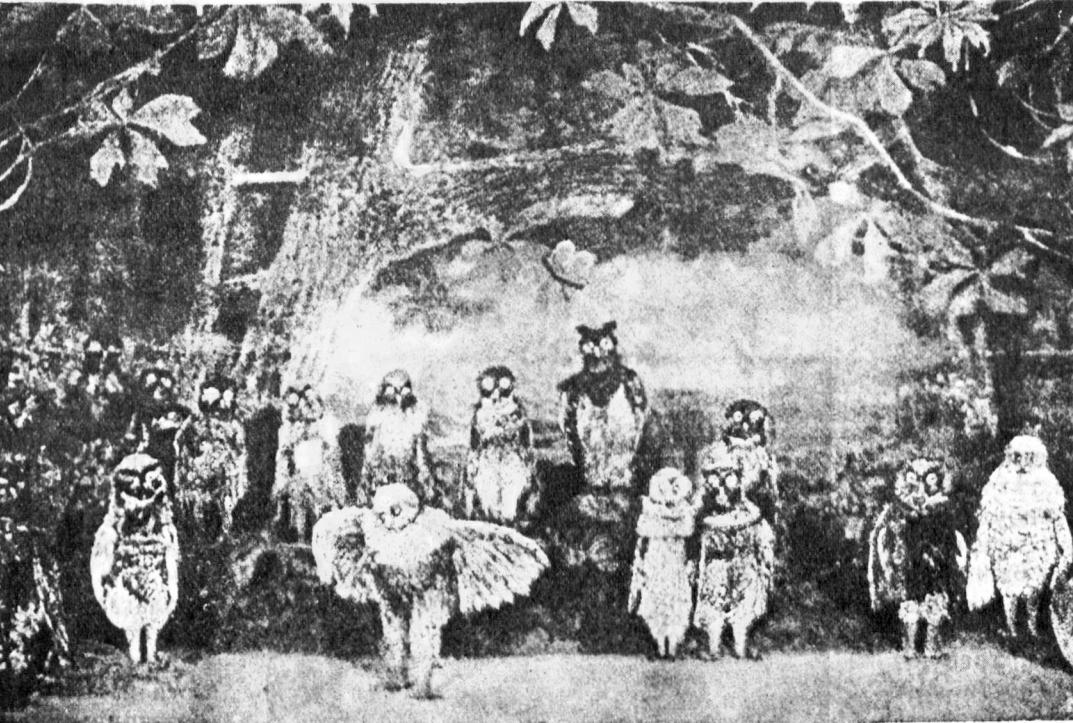
И все онъ передъ глазами, да,
онъ... Удалъ былъ, щедрый... Ям-
щики на него Богу молились, кир-
гизы—братью звали... Никто съ
нимъ сравняться не могъ, никто...

Поселился Василій Васильевичъ въ Никольскомъ. Каждый день видѣлись. Лизу домой зовутъ, а она не хочетъ. Понималъ онъ ее безъ словъ. Сидѣтъ она у окна, затуманился... Иголка изъ руки выпадаетъ. Станетъ допытываться:—„О чѣмъ грустите?—, Такъ“. Смотрѣтъ онъ... Глаза темные, властные... И она какъ ребенокъ передъ нимъ... Кажется, ударъ онъ ее, такъ не шелохнулась бы...

Я вставала съ постели босая
И, бывало, всю ночь напролѣтъ
У окна все кого-то ждала я,

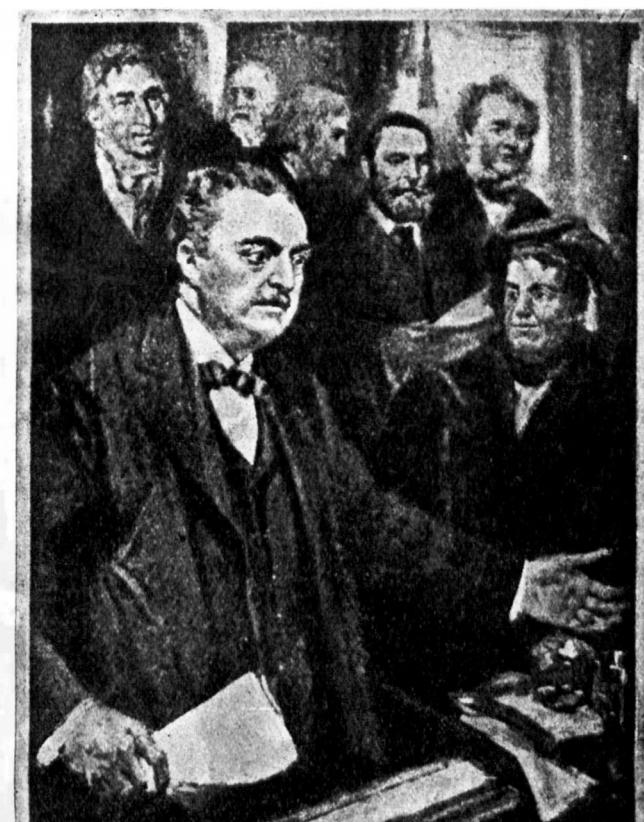
Все мнѣ чудилось, кто-то идетъ...

Помнитъ она горенку, угловую, гдѣ
спала тетка. Ситцевый пологъ, гора
подушекъ, одѣяло изъ разноцвѣтныхъ
лоскутковъ. Вотъ собрались какъ-то
дѣвушки, прятки затѣяли. Выпало ему,
Василію Васильевичу, искать... Убѣ-
жала сюда Лиза... затаилася... Нашелъ
таки, шустрый... Перепугалась до смер-
ти въ темнотѣ... Сердце-то было...

Второй актъ „Шантеклера“.

Ночные птицы, филины и совы, составляют заговоръ противъ „Шантеклера“, виновника появленія на
небѣ солнца: пѣтухъ вызываетъ пѣніемъ солнце.—Если онъ будетъ убитъ—воцарится вѣчная ночь.

Джонъ Редмондъ.

Лидеръ ирландскихъ националистовъ. Въ виду равнаго почти числа голосовъ юніонистовъ и либераловъ въ новомъ англійскомъ парламентѣ, Редмондъ съ своей партией будеть имѣть рѣшающее значеніе въ государственныхъ во-
просахъ и даже въ вопросахъ о министерствахъ.

Господи... Вышла алѣе зари, глаза
подняты боится... Потомъ катались.
Снѣгъ-то, снѣгъ кругомъ... Буранъ на-
стоящий... Колокольня, изѣ—не видать.
Эхъ, да эхъ, съ горки... Духъ захва-
тываетъ... Цѣловалъ?.. Нѣтъ... Да...
кажется, нѣтъ... Ой, кажется, да...
Очи карія бойко смотрѣли
На меня изъ подъ темныхъ бровей..
Допытать они, видно, хотѣли,
Что въ душѣ затаилось моей...

Милый, ласко-
вый. За руки держ-
ить, а она толь-
ко смотритъ... Ни
слова... Отъ во-
стора голова сладко кружит-
ся... И не знаетъ,
за что его любить, за то ли, что
душой кривить не
умѣеть, не сулить
ничего, ничего не
просить, или что
вольный, безпеч-
ный, весело жестокій,
сломлъ ея жизнъ и не печа-
лится...

Перевели его въ
аулы, далеко... Ей
къ своимъ нужно
было вернуться.

Ночью проща-
лись. У тетки
ужинъ, карты...
Молодежь танцу-
етъ, пѣсни поетъ.

Выѣждала она
за ворота. Небо
звѣздное, чер-
нымъ кажется,
снѣгъ блеститъ, пе-
реливается... Луна... Тишина. Пустыня.
Обнялись они... Плакать не смогла.
Уѣхалъ Василій Васильевичъ на
разсвѣтъ. Больше не встрѣчались.
Ау, милый... Не откликнется.

Брызнули слезы. О немъ? Да...
Нѣтъ, такъ...

Потомъ усмѣхнулась легохонъко.
Глупая... Что сердце надрывать
безъ толку? Мать сейчасъ вернется
и мужъ изъ лавки. Братишка уже
закошкой гоняется. Кухарка вста-
ла... Смолкла Лиза. Не поеть больше.

А вѣтеръ то за окномъ, вѣтеръ...
Анна Маръ.

СМѢСЬ.

Почему женщины такъ много гово-
рятъ?

Въ послѣднемъ номерѣ жен-
ского журнала „Фемина“ Марсель
Прево поднимаетъ вопросъ: „Поче-
му женщины такъ много говорятъ?“. Вопросъ старый, почти академич-
ескій, какъ и подобаетъ академику.

Марсель Прево самъ и отвѣ-
чаетъ. Авторъ „Полудѣвъ“ и Жен-
скихъ писемъ”—признанный спе-
циалистъ по женскимъ дѣламъ. Ему
и книги въ руки.

* Почему женщины такъ много го-
ворятъ въ сравненіи съ мужчинами?
Ученые увѣряютъ, что это объ-
ясняется физиологическою причиной:
„центры произнесенного слова“ у
мужчинъ и женщинъ не одинаковы.
Во всякомъ случаѣ, уже въ самомъ
тембрѣ голоса есть разница. При бо-
льшѣ высокомъ голосѣ женщинъ—слово
вылетаютъ у нихъ легко и быстро.
У мужчинъ, при болѣе низкомъ голосѣ,
слова изъ запасного склада отдѣляют-
ся тяжело и медленно. Т.е., женщины
уже по самой природѣ болѣе приспо-
соблены для многоговорения.
Къ этой естественной причинѣ при-

соединяется давнишнее различие воспитания. Мужчинъ въ дѣтствѣ начинаютъ дрессировкою пручать къ молчанию. Въ гимназии, съ ея тюремной дисциплиной, нельзя разговаривать ни во время занятий, ни во время гимнастики. Въ женскихъ пансионахъ законъ о молчании соблюдается не такъ строго. Вступая въ жизнь, женщины сплошь и рядомъ занимаются такими дѣлами, которымъ разговоръ не мѣшаетъ. Заботы о хозяйствѣ, о гардеробѣ, о воспитаніи дѣтей не требуютъ молчания. Даже, можно сказать, наоборотъ: ухаживать за маленькимъ ребенкомъ невозможно, не болтая съ нимъ. Приходится пускать въ ходъ слова и фразы безъ опредѣленного плана и повторять ихъ до тѣхъ поръ, пока ребенокъ сколько-нибудь не усвоитъ ихъ. Итакъ, мы, мужчины, обязаны болтовнѣ нашихъ матерей и воспитательницъ тѣмъ, что, вообще, умѣемъ разговаривать.

Но есть и другая причина, требующая отъ насъ снисходительности. Мы сами поощляемъ женщинъ болтать и слушаемъ болтовню ихъ съ удовольствиемъ. Если женскій ротикъ красивъ, то какіе бы пустяки изъ него ни исходили, мужчина видѣтъ въ нихъ — умъ и изящество.

Но, какъ бы то ни было, нельзя отрицать, что болтливость женщинъ — большой недостатокъ. Прежде всего онъ ведетъ къ непріятнымъ послѣдствіямъ. Безцѣльная болтовня мѣшаетъ женщинѣ логически мыслить. Бол-

Преосв. Феофанъ,

епископъ ямбургскій, ректоръ с.-петербургской духовной академіи. Въ послѣднее время много говорятъ о его вліяніи.

тливая женщина думаетъ только, пока она говоритъ, а это — плохой способъ думать. Слово кратко и быстро. Мысль, сообразующаяся съ словомъ, по необходимости поверхностна. Это даже и не мысль въ собственномъ смыслѣ слова, а наборъ случайныхъ, не продуманныхъ фразъ. Отсюда — мелочность женскихъ разговоровъ, какъ бы ни былъ пріятель и очарователъ ихъ общей тонъ.

Существуютъ ли практическіе способы бороться съ женской болтливостью? Прево вспоминаетъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ 300 дамъ лучшаго нью-йоркскаго общества дали священную клятву въ теченіе трехъ сутокъ не произнести ни одного слова. Чтобы исполнить свой обѣтъ, они засѣли на трое сутокъ въ женскій монастырь. Прево не знаетъ, сдержали ли онѣ „слово о молчаніи“, но предполагаетъ, что если это произошло, то по прошествіи положенного срока дамы впали въ пароксизмъ болтливости и, чтобы вознаградить себя, разговаривали не умолкая трое сутокъ подрядъ.

Прево считаетъ, что бороться съ женскою болтливостью можно однимъ только путемъ — преобразованіемъ системы воспитанія.

„Казаки ушли“.

Картина И. М. Шульга, на конкурсной выставкѣ въ академіи художествъ, въ Петербургѣ.

Фото А. А. Йозефовича.

Типографія и фото-цинкографія «Южнаго Края», Сумская ул., д. А. А. Йозефовича.

— въ здании Южнаго Края, въ здании Южнаго Края.

Фото А. А. Йозефовича.

— въ здании Южнаго Края, въ здании Южнаго Края.